

ИНТЕРВЬЮ

АНДРЕЙ СЫТЕНКО

«Может, что другое не стихи, а это уж точно — стихи...» Так отозвался о творчестве Сергея Гандлевского поэт Михаил Айзенберг. Действительно, оставаясь в рамках классической просодии, Гандлевский сумел зафиксировать мироощущение поколения, становление которого пришлось на эпоху торжества абсурда. Казалось, эта задача подвластна только авангарду, и некоторые критики на всякий случай отнесли творчество Гандлевского к концептуализму. Но поэту пока удается удерживаться на рискованной и узкой грани классической и постмодернистской эстетики, сохраняя собственный голос, что не позволяет без сильных упрощений вписать его в какое-то определенное течение.

«Мы вышли из зоны и оказались в джунглях»

— Сейчас много говорят о кризисе и даже о приближающейся гибели литературы. Что вы думаете по этому поводу?

— Я думаю, литература уйдет в одну из отраслей человеческого духа и не станет отвечать за все и на все вопросы бытия, как было это в России. Из каждого опыта можно извлечь и положительные уроки. Да, косвенным следствием всех несчастий, которые пали на голову России, было огромное значение литературы. Но не надо заботиться о силе трения, если ты собираешься сделать летательный аппарат, — Бог с ней, сила трения будет, надо постараться, чтобы она была наименьшей. Так что, по-моему, треволну бить рано.

В пору моих поездок разнорабочим в разных естественно-научных партиях я бывал в том числе и с почвоведом. В местах разломов почв они требовали остановить машину, начинали бегать и осматривать все слои. Не надо было никуда внедряться, рыть, копать. Сейчас это произошло: все слои жизни и истории в самом беспорядочном виде выперли наружу. Это находка для писателя. Благоприятное время.

— Значит, проблема в самих писателях?

— Да, я вполне понимаю их озабоченность. Я не был Бог весть каким воротилой, но не худо жил от литературы. Сейчас источники халтуры перекрыты, я имею в виду переводы. Можно было так жить, сохранить лицо и не делать ничего неопрятного. Еще на заре перестройки в каком-то интервью я сказал такую достаточно эффектную фразу: надо восстановить естественный отбор в его правах. Сейчас он восстановлен. Судя по писательскому кругу, к которому я принадлежу, все действительно стали жить лучше, но гораздо авантюрней. Все, кто называл себя писателем (и был им), вынуждены теперь жить, как писатели. Волка кормят ноги — они добиваются литературного заработка. Наконец-то случилось! Просто это оказалось куда ненадежней, чем ожидалось. Но сейчас уже никто не сторожит, никто не занимается не своим делом, а просто идет жизнь, которая на самом деле отвечает представлениям (моим, во всяком случае) о жизни, как о приключении. Советская власть отбивала у нас охоту к приключениям, давая гарантированный кусок хлеба.

— Но существует проблема реализаций писателя. Дело с публикациями обстоит совсем неважно.

— Это так. Но писателю должно хватить великодушия, если он не голоден в прямом смысле этого слова — а мы не голодны в прямом смысле слова, — свои невзгоды не возводить в степень всеобщего несчастья, тем более что всеобщих несчастий хватает. Будем утешать себя тем, что, если все пойдет на лад и мы не станем искать своего особого пути, появляясь через 50–70 лет университетские стипендии, как это существует везде.

— У меня вопрос к вам как к читателю: зачем вам литература?

— Для общения, во-первых. По-моему, одна из основных функций литературы — общение. Все достаточно одиноки, но когда ты снимаешь хорошую книгу с полки, видишь, что ты не один кружишь, как белка в колесе, в обступившей тебя жизни, с этим сталкивались другие люди, другие поколения, находили или не находили выход, все-таки это утешает. И потом я люблю красивые слова, лучшие слова в лучшем порядке.

— Как вы относитесь к дискуссии о необходимости избавить русскую литературу от пафоса учительства?

— Учительство — очень хорошее слово.

Оно меня навело вот на какой образ. Действительно, литература может учить и быть учителем, но для этого в классе должна быть хорошая дисциплина, а хорошая дисциплина — режим неволи. Когда здесь был режим неволи, литература могла быть хорошим учителем, потому что только она была слышна. А когда урок сорван, литература может наравне со всеми истошно звать или демонстративно молчать и отворачиваться. Однако всегда надо помнить, что в классе с хорошей дисциплиной можно вещать, но по нему можно дать и очередь из автомата. Мне кажется, в мире существуют два способа жить — зона и джунгли. Мы вышли из зоны и оказались в джунглях. Надо дожидаться или, в лучшем случае, приблизить то время, когда в джунглях появятся участки прореженного леса, лавочки и аллеи. Тогда они превратятся в лесопарк, как это уже случилось во многих странах мира. Все остальное зависит от темперамента: есть люди, которым легче жить в зоне, и есть те, которые любят джунгли. Я боюсь джунглей, но, озираясь на зогу, выбираю джунгли.

— Вы долгое время находились в литературном подполье. Появилось ли у вас сейчас ощущение нового статуса?

— Я думаю, что, поскольку я давно сформировался не благодаря этому обществу, а вопреки ему, я никогда не почувствую себя лицом общественным. Это совершенно исключено, и в моих словах нет затаенной обиды. Просто ко всему прочему я еще лучше или хуже, но могу сочинять стихи. Я склонен относиться к своей поэтической деятельности, как к частному делу. Когда бывают такие ситуации, что следует дать интервью, я себе отчасти силой напоминаю: ты же писатель, точка зрения писателей всегда была уместна — ну вот и скажи. Это все равно, что если я свидетель уличного конфликта, то: ты же мужчина — прими участие. Это какой-то накатанный долг, действительно дань традиции, в том числе и русской. Мы живем в трудные и ответственные времена, у меня трудный и ответственный возраст — 40 лет: если ты можешь поучаствовать и что-то сказать, пусть даже будешь выглядеть глупо, лучше сказать и поучаствовать. Собственно гражданский темперамент, притом что были подавлены очень рано, к ним был отбит вкус. В этом смысле мы, конечно, люди достаточно подпорченные. Так сложилось, но надо себя взнуздывать...

— Влияет ли на вас как на поэта сегодняшняя действительность?

— Я думаю, да, но не напрямую. Есть люди, которые пишут сердцем, есть люди, которые пишут умом, и это могут быть замечательные произведения. Я пишу опытом. Он не приходит сразу, надо что-то узнать, спустя какое-то время это становится составом крови, и только потом в каком-нибудь мельчайшем жесте это может проявиться в стихах. Здесь никак нельзя торопиться.

— Вы считаете по-прежнему плодотворным то, что делают ваши друзья?

— Да. Здесь могут быть большие удачи или меньшие, но боковым слухом я обращен в сторону этого круга. Хотя я радуюсь, когда встречаю талантливые произведения людей незнакомых. Мне случайно попала в руки книга Петрушевской «Песни восточных славян». Просто блестяще! Такое впечатление, что расхищено имущество, которым ты только собираешься обзаводиться.

Сергей ШАПОВАЛ